

В ДРУЖБЕ СО СМЕХОМ

тература, искусство» и «Наш отдел сатиры» — «НОС». За активную журналистскую деятельность награжден орденом «Знак Почета», ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

И еще одна круглая дата в жизни Константина Ивановича — в этом году он отмечает 25-летие членства в Союзе писателей СССР, в который был принят после издания в книжной редакции «Брянского рабочего» сборников сатиры и юмора «Добрая душа» (1955 г.), «Похождения Синекурова» (1957 г.) и «Когда приходит любовь» (1958 г.).

В 1961 году в Брянском, Тульском и Московском издательствах вышли его книги «Над Десной-красавицей», «С улыбкой и без улыбки» и «По собственному желанию», в соавторстве с С. Шаровым он издал книжку «Королевский жираф...» и с братом Н. Миньковым — «Крылья до востребования». В 1964 году в Туле вышел его сборник «Любовь или коварство», в 1966-м и в 1972-м — повести «На конечной остановке» и «Не фунт изюма»...

Константин Миньков умеет находить в жизни смешные и неожиданные ситуации. Он точно рисует внешность своих героев и психологические движения их душ, помогает читателю в его нравственном совершенствовании. Известный сатирик Г. Е. Рыклин об этом писал в одной из своих статей так: «В немногих словах, скупными художественными красками Минькову удается порой сказать очень многое, дать целую характеристику человеку...» Положительные отзывы о творчестве Константина Минькова были в

статьях Л. Ленча, Б. Привалова, Ю. Когина, Ф. Нодала и других рецензентов. «Миньков, несомненно, будет писать хорошо, а может быть, и отлично...» — незадолго до кончины писал Борису Привалову Михаил Зощенко. С удовлетворением можно отметить, что «мастер смеха» не ошибся в своем предположении.

Редкостные ситуации, гротеск и неожиданные повороты темы отличают рассказы и повести К. Минькова. К таким произведениям, на мой взгляд, относятся повести «Похождения Синекурова», «На конечной остановке», «Не фунт изюма», рассказы «Кошелек», «На лоне природы», «Сила искусства», «Велюровая шляпа», «Собачка», «Вильярд» и многие другие.

Характерной чертой творчества К. Минькова является и то, что ему более присущ мягкий юмор, нежели сарказм. Он любит жизнь, природу и людей своего края, и многие его вещи пронизаны лиризмом. Он как бы сочувствует даже тем героям, которые попадают в рассказах по его воле в смешные ситуации, и призывает нас задуматься о том, а как бы мы вели себя, попав в их положение.

Встречая свой юбилей, Константин Иванович работает над новыми рассказами и фельетонами. Он только что подпisał верстку нового сборника юмористических рассказов и лирических миниатюр «Пестрый перекресток», который выпускает в свет Приокское книжное издательство. Сегодня мы публикуем один из рассказов юбиляра.

В. ПАРЫГИН.

ИНЦИДЕНТ РАССКАЗ

ДИРЕКТОР не очень крупного, но и не скакать, чтобы мелкого предприятия, Петр Фомич Фомин решил самолучно побеседовать с электросварщиком Надюшкиным и вызвал его в свой не очень большой, но и не такой уж маленький кабинет. Надюшкин — в промасленном, выдавшем виды комбинезоне, долговязый — стоит перед столом, опустив голову и теребя пальцами что-то невидимое на животе. Петр Фомич некоторое время, навалившись грудью на край стола, в упор, как бы изучая, смотрит в лицо сварщику, потом медленно откидывается на спинку кресла:

— Так, товарищ Надюшкин! Этого я от тебя не ожидал...

Сварщик переступает с ноги на ногу, поднимает на директора глаза. Во взгляде — полное признание вины, раскаяние.

— Ты хоть сам осознал, что сотворил?

Надюшкин молчит, лишь кивает головой.

— Нет, ты мне не кивай, ты мне скажи полным голосом: дошло ли до тебя, что ты совершил?

— Я и говорю, дошло...

— Ничего ты не говоришь, Надюшкин. По глазам вижу, что тебе непонятно на твой поступок. Не осознал! Ты сейчас думаешь примерно так: килограмм краски — подумаешь! Есть из-за чего нервы трепать! Думаешь ведь так? А?

Надюшкин опять переминяется, длинная фигура его медленно покачивается.

— Я думаю, Петр Фомич, о том, что зря бабу послушал. Кухню мы подновляем... Эмалей в магазине нет... Вот она, баба, значит, на меня и навалилась: не обедняет завод!..

— Так... Выходит, жена виновата. А твоя голова? Она что, не соображает? Вот ты пытался вынести с территории завода банку краски. Был остановлен, как говорится, с поличным. Стыдно тебе?

— Стыдно... Не было и в жисть больше не будет!

— Нет, ты погоди. А не прикинул ли ты, что такое получится, если каждый, уходя домой, прихватит с собой килограмм краски? А? Не прикинул! А это значит, что с завода уплывет целая цистерна! Или вот, скажем...

Петр Фомич возбуждается, встает и начинает ходить вдоль стола.

— Или вот, скажем, каждый рабочий возьмет с завода по болту...

Надюшкин улыбается:

— Это зачем же? На кой он, болт?

— Мало ли зачем? Я все-ро отвлеченно... Так вот, всего по одному болту. В сумме — это не одна тонна металла. И если...

Петр Фомич, на мгновение задумывается:

— ...И если выстроить те болты в один ряд, то цепочка протянется через весь город! Представляешь? А? Ну а если по всей нашей стране каждый рабочий унесет по одному болту?

Воображение Петра Фомича разыгрывается, похоже, что он испытывает подлинное вдохновение.

— По всей стране! Прикидываешь? И если те болты выстроить... Та цепочка протянется вокруг Земли по экватору!

Надюшкин улыбается широко и откровенно.

— Петр Фомич! Да кто ж те болты по экватору ставить будет, это ж пустое дело!

Голос у сварщика с веселинкой, не поймешь, то ли он всерьез спрашивает, то ли с подковыркой. Но Петр Фомич не обращает на него внимания, он увлечен.

— Еще нагляднее будет, если вместо болтов станут растаскивать, к примеру, проволоку. Да, да! По одному метру проволоки — на рабочем. Земной шар опутать можно! Понял?

Надюшкин совсем повеселел:

— Во сетка будет!

И, что-то соображая, крутит головой:

— Это ж надо!

Директор останавливается, бросает изучающий взгляд на Надюшкина:

— Дошло? Вразумел, что такое банка краски?

Электросварщик по-солдатски вытаскивается:

— Так точно! Другим заказу!

В это время дверь приоткрывается, просовывается круглая лысеющая голова в очках:

— Петр Фомич, можно?

— Заходи, — директор приглашает взмахом руки и завершает разговор:

— Хотел я, Надюшкин, тебя товарищеским судом... Однако, вижу, что понял. Верю тебе. Иди!

Сварщик, уступив дорогу вошедшему, ныряет за дверь.

— Проходи, дорогой, проходи! — Петр Фомич идет навстречу новому посетителю.

— Сколько зим!

Они чуть не лобызаются, трясут друг друга руки.

— А я смотрю, секретарши нету... Вот без доклада и ввалился.

У круглоголового плотная, энергичная фигура. Такие фигуры всегда вваливаются, а не входят.

— Какими судьбами, друг Васюня, ко мне? — Петр Фомич пододвигает кресло.

Друг Васюня усаживается.

— Считаю, мимоходом... Дай, думаю, проведаю... Ну и небольшое дело попутное имеется... А ты, Петя, все воспитываешь? — он кивает на дверь. — Слышал я кончик вашего разговора...

Петр Фомич вздыхает.

— Надо! Куда денешься? Народ, знаешь, не всегда понимает...

Петр Фомич глубоко вздыхает. Друг смотрит понимающе, сочувственно.

— А я, Петечка, гараж строю. «Жигуленка» приобрел...

— Правильно сделал. В наше время автомобиль — не роскошь.

— Надо его, значит, куда-то ставить. Местечко выхлопотал под гаражик. Вот и строю...

— Хлопотное дело...

— А я о чем? Кирпич привезти надо. Пособишь машинкой?

— Ва-а-ся! Василь Петрович! — укоряет Петр Фомич. — Пособишь! Да для тебя! Куда тебе и когда? Неужто думал, что откажу?

— Верил! — выдыхает друг Вася. В слово это, чувствуется, он вкладывает и благодарность, и гордость за то, что Петр Фомич не изменил узам святой дружбы.

— И еще мне двери нужны. Металлические...

Директор морщит лоб.

— С этим, Вася, сложнее...

Я тут за такие двери уже разгон устраивал. Но тебе... Так и быть, соорудим! — Петр Фомич делает веселое и лукавое лицо. — Только чур, я тут ни при чем! С работами сам договоришься. И привезут, и поставят.

Теперь уже укоряет друг Вася:

— За кого ты меня принимаешь!

Петр Фомич берется за телефонную трубку, отдает распоряжение какому-то Петрицеву изыскать завтра машину, а какого-то Сидорцева просит познакомиться товарища с бригадиром сварщиков. Поговорив по телефону, пристально и вроде бы восторженно смотрит на друга:

— Вася! Василь Петрович! А ты, брат, не стареешь! Как жена? Как детишки?

дят новые посетители. Петр Фомич окунается в гущу текущих дел.

— Однако не проходит и часа, как снова вваливается плотная фигура Васи.

— Ты уж извини, Петр Фомич. Попрочься забыл...

Друг чем-то явно расстроен, на лице написано неудовольствие. Он приближается к столу и угрюмо смотрит на живот Петра Фомича:

— Ты что же это, брат, по-дружески, что ли?

Петр Фомич, удивленно вскидывает брови:

— Не понимаю... Что стряслось-то? Садись.

Но друг Вася не желает садиться.

— Это, уважаемый Петечка, черт знает, что такое!..

— Вася! Помилуй!

Друг Вася взмахивает руками:

— Это ты меня помилуй и избавь!

Петр Фомич наливает в стакан воды, подносит разволнованному Василию Петровичу. Тот отстраняет стакан:

— Нет, как это называется? Приходим в цех... Этот самый твой Сидорцев подзвал твоих. Ну я спокойно объясняю ситуацию, вежливо прошу... Обещаю честь по чести отблагодарить... Вижу понимание... И тут рядышком оказался четвертый. Вроде бы тот самый, что у тебя передо мной был... Длинный. Вклинивается и говорит: «А знаешь ли ты, мил человек, во что эти гаражные ворота обходятся?» Я говорю, что за платой не постою. А он: «Не об этом речь! И понес в том духе, что ежели каждый владелец автомобиля будет у них требовать ворота, то теми воротами можно перегорудить весь город. Каков, а? У нас, говорит, не дверное производство».

Друг Вася сам тянется к стакану, судорожно делает глоток.

— Стою... Что ему ответить? А этот демагог выдает. Теми, говорит, левыми листами, что по стране на двери уходят, можно землю по экватору закопать. Лекцию, понимаешь, мне... Как школьнику? А? Я боком, боком...

Петр Фомич опускается в кресло, говорит растерянно:

— Ты того... Этого... Уладим...

Но друг обижен крепко:

— Обойдусь... Прощай! Авторитетик у тебя!

Вины за собой Петр Фомич не чувствует. Но смущение не проходит долго. Смущение перед другом Васей.

К. МИНЬКОВ.